

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-592-600

Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.

ПАВЛОВ Олег Витальевич,

Соискатель учёной степени кандидата юридических наук по научной специальности 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки. Кафедра теории и истории государства и права Таганрогского института управления и экономики (ТИУиЭ), г. Таганрог; ORCID: 0009-0008-1860-9013,

e-mail: Kapitalstroy007@yandex.ru

РИМСКОЕ ПРАВО КАК ПРОТОЯЗЫКОВАЯ МОДЕЛЬ ИМПЕРИИ И АДРИАН КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРООБРАЗ АГЕНТНОГО ИИ В ТРАНСФОРМАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. Настоящая статья предлагает юридико-историческую конструкцию, в которой римское право рассматривается не как буквальный технический аналог современной большой языковой модели, а как ее историко-функциональный предшественник: как система накопления, нормализации, переноса и применения текстуализованного знания в пространстве большой политики. В этом ракурсе император Адриан анализируется не как «машина» и не как техноутопическая метафора, а как исторический тип агентного управления, сочетающий роль военного, администратора, законодателя, арбитра, архитектора и культурного медиатора. Такой подход позволяет сместить центр дискуссии с привычной темы регулирования ИИ к более фундаментальному вопросу: как меняются формы юридического знания, юридической подготовки и юридической власти, когда право начинает обслуживаться системами, способными к масштабируемой работе с текстом, инструментами и контекстом. Эта постановка вопроса соотносится с современными исследованиями римского права как инструмента имперской интеграции и с новейшими разработками OpenAI и Anthropic в области reasoning-моделей, агентных систем и tool use.

Ключевой тезис статьи состоит в том, что римское право было для Империи тем, чем языковая модель является для распределенной вычислительной экосистемы: не сувереном, а средой универсализации, компрессии и переноса знаний; не «вещью в себе», а инфраструктурой, через которую разнородные практики превращались в управляемые и сопоставимые юридические выходы. При таком понимании римская правовая традиция оказывается особенно ценной для современной теории государства и права, поскольку позволяет описать переход от человеческой монополии на юридический текст к режиму, в котором юрист все меньше выступает как ремесленный составитель документа и все больше — как принципал, оркестратор и верификатор сети специализированных ИИ-агентов. Эта линия уже находит подтверждение в эмпирических исследованиях legal AI, legal pedagogy и agentic workflows.

Ключевые слова: римское право; Адриан; edictum perpetuum; большие языковые модели; агентный ИИ; legal AI; юридическое образование; правовая инфраструктура.

PAVLOV Oleg Vitalievich,

Applicant for the degree of candidate of legal sciences in the scientific specialty 5.1.1 - theoretical and historical legal sciences. Department of Theory and History of State and Law of the Taganrog Institute of Management and Economics (TIUiE), Taganrog; ORCID: 0009-0008-1860-9013

ROMAN LAW AS A PROTO-LANGUAGE MODEL OF THE EMPIRE, AND HADRIAN AS A HISTORICAL PROTOTYPE OF AGENTIC AI IN THE TRANSFORMATION OF LEGAL EDUCATION

Annotation. *This article advances a legal-historical construction in which Roman law is treated not as a literal technical analogue of the modern large language model, but as its historical-functional predecessor: a system for accumulating, normalizing, transferring, and applying textualized knowledge across the space of a large polity. From this angle, the emperor Hadrian is analyzed not as a “machine” and not as a techno-utopian metaphor, but as a historical type of agentic governance that combines the roles of military commander, administrator, legislator, arbiter, architect, and cultural mediator. This approach shifts the center of debate away from the familiar topic of AI regulation toward a more fundamental question: how the forms of legal knowledge, legal training, and legal power change once law begins to be served by systems capable of scalable work with text, tools, and context. This framing connects with contemporary scholarship on Roman law as an instrument of imperial integration and with recent work by OpenAI and Anthropic on reasoning models, agentic systems, and tool use.*

The article’s key thesis is that Roman law was to the Empire what a language model is to a distributed computational ecosystem: not a sovereign, but a medium of universalization, compression, and knowledge transfer; not a “thing in itself,” but an infrastructure through which heterogeneous practices were converted into governable and comparable legal outputs. On this understanding, the Roman legal tradition proves especially valuable for the contemporary theory of state and law, because it allows us to describe the transition from a human monopoly over legal text to a regime in which the lawyer acts less as an artisanal drafter of documents and increasingly as a principal, orchestrator, and verifier of a network of specialized AI agents. This line already finds support in empirical research on legal AI, legal pedagogy, and agentic workflows.

Key words: *Roman law; Hadrian; edictum perpetuum; large language models; agentic AI; legal AI; legal education; legal infrastructure.*

Методология и источниковедческая база. Методологически работа опирается на сочетание сравнительно-исторического, юридико-герменевтического и идеал-типического анализа. Сравнение Рима и современных ИИ-моделей не понимается здесь как отождествление сущностей; напротив, речь идет о функциональной аналогии между двумя разными машинами универсализации: одна строилась на дорогах, архивах, юридических формулярах, императорских рескриптах и элите юристов; другая — на данных, вычислениях, посттренинге, inference-time compute и инструментально-агентных интерфейсах. Такая постановка вопроса сознательно избегает грубого анахронизма: античное право не было «нейросетью», а современные модели не являются «новыми цезарями». Однако обе системы позволяют исследовать один и тот же тип проблемы — как большое политико-коммуникативное пространство делает знание переносимым, управляемым и применимым к новым случаям.

Источниковедческая база делится на три уровня. Первый уровень — критически реконструируемые сведения о правовой политике Адриана и развитии римского права: исследования о edictum perpetuum, о политике Адриана, о правовой роли империи, о билингвизме римского права и о взаимодействии имперского и локального права. Второй уровень —

исследования по истории античных цивилизаций, позволяющие типологизировать Египет, Грецию и Рим как разные режимы производства знания и управления. Третий уровень — современные первичные источники по frontier AI: официальные публикации OpenAI и Anthropic, а также актуальные научные работы о scaling laws, inference scaling, vibe coding, LLM agents, legal AI и legal pedagogy.

Особое значение имеет критика позднеантичной нарративной традиции. Historia Augusta остается важным, но проблемным источником: Britannica указывает, что ее авторство и датировка спорны, многие ученые считают приписанных авторов фиктивными, а поздние части текста насыщены вымышленными документами и анахронизмами; современные исследования в Histos подтверждают необходимость отделять историческое ядро от литературной фикции. Поэтому эффектные биографические детали о «частной жизни» или символических жестах Адриана в настоящей статье используются только там, где они подтверждаются критической историографией; приоритет отдается верифицируемым элементам его карьеры, политики и правовых реформ.

Римское право как протоязыковая модель империи

Римское право в традиционной юридической науке описывается как один из базовых источников западной правовой цивилизации; однако для целей настоящей статьи

важнее другое: оно было операционной средой, позволявшей Империи поддерживать связность между разными статусами, территориями, языками и локальными обычаями. Клиффорд Андо показывает, что римское гражданство и имперская правовая статусность выступали инструментами империи, а в отдельной работе подчеркивает, что сохранение местных правопорядков и наложение римских судов второй инстанции создали в провинциях особую нишу для «индигенных юристов», способных переводить местный правовой опыт в имперски распознаваемую форму. Иначе говоря, римское право не столько уничтожало различия, сколько перекодировало их в управляемую матрицу. В функциональном смысле это чрезвычайно близко к тому, что делает большая языковая модель: она не устраняет разнообразие входов, а преобразует их в унифицированный режим обработки и вывода.

Эта функция особенно заметна там, где право работает как «обучаемая память» политики. Britannica отмечает, что римское право развивалось через законодательство, магистратские эдикты, сенатусконсульты, интерпретации юристов и позднее — через императорские конституции; при этом интерпретации юристов со временем сами приобретали вес права. Эту структуру источников фиксирует уже Гай (Gai. Inst. 1.2), а Помпоний в «Энхиридионе» дает ее историческую реконструкцию (D. 1.2.2); показательно, что именно Адриан рескриптом придал согласным мнениям управомоченных юристов силу закона (Gai. Inst. 1.7). Следовательно, римское право не было статичным кодексом в современном смысле: оно представляло собой кумулятивный и текстоцентрический массив, из которого извлекались решения для новых дел. Именно это позволяет говорить о нем как о протоязыковой модели: не машинной, но уже построенной на статистике повторяемых формул, на авторитетном корпусе, на обучении элит и на работе с новыми запросами через устоявшиеся схемы обращения.

Юридическая политика Адриана усиливает этот тезис. Исследования о Hadrian's Perpetual Edict показывают, что связанный с Адрианом *edictum perpetuum* был не просто административным эпизодом, а важным узлом в долгой истории систематизации преторского материала; Cambridge-статья Pringsheim прямо характеризует его правовую политику как начало новой эпохи в римском праве и управлении. Britannica, в свою очередь, указывает, что при Адриане юристы кодифицировали *edictum perpetuum* (его редакция традиционно связывается с юристом Сальвием Юлианом), а сам император назначал бывших консулов как судебных функционеров по Италии. В терминах

современного ИИ это можно описать так: корпус был нормализован, маршруты интерпретации — стабилизированы, а каналы применения — институционально усилены. Это похоже не на первоначальное предобучение, а на мощный этап *post-training* и архитектурной дисциплины.

Не менее важен языковой аспект. Исследование Симона Коркорана показывает, что римское право в империи Юстиниана существовало в сложном взаимодействии латинского и греческого, причем нормативный текст долго сохранял латинское ядро, а греческие учебные и практические материалы перерабатывали и распространяли его в среде, где чистое владение латынью было ограничено. В результате возник стабилизированный «римско-юридический греческий». Для нашего тезиса это принципиально: римское право действовало не просто как набор норм, а как многоязычная система переноса смысла, в которой ядро, интерфейс и прикладной слой могли различаться. Это очень близко к современной архитектуре багатослойных ИИ-систем, где базовая модель, *retrieval*-слой, *tool calling* и пользовательский интерфейс не совпадают, но образуют один рабочий ансамбль.

Адриан и агентное переключение режимов управления

Биография Адриана сама по себе подталкивает к агентной интерпретации. Britannica фиксирует его афинский опыт, его репутацию Graeculus, пребывание в Афинах до назначения в Сирию, избрание эпонимным архонтом, а позднее — создание Панэллениона, политико-культурной федерации греческих городов. Тот же источник подчеркивает, что его филэллинизм проявлялся не только в идеях, но и в визуальном коде власти — в новой модели императорского портрета с бородой и эллинизированными чертами. Это означает, что Адриан был не просто «образованным императором»: он владел несколькими кодами легитимации и умел переключаться между ними в зависимости от политической сцены.

С правовой и государственно-административной точки зрения особенно важен контраст между Траяном и Адрианом. Britannica и Pringsheim сходятся в том, что по вступлении на престол Адриан быстро отказался от части восточных завоеваний Траяна — прежде всего от армяно-месопотамского расширения — и поставил во главу угла не экстенсивный рост, а управляемую границу, мир и администрируемость. Hadrian's Wall в Британии и более широкая политика консолидации стали символами этой установки. В современном языке ИИ это можно описать как переход от неограниченного наращивания «параметров империи» к *compute-optimal governance*: не максимальный размер, а

лучший баланс между масштабом, стоимостью содержания и качеством управления.

Агентная аналогия усиливается, если посмотреть на формы деятельности самого императора. Под Адрианом сходились военный командный режим, правовой режим, культурно-дипломатический режим и архитектурный режим. Britannica подчеркивает его поэтические и художественные способности, а статьи о его вилле и о Pantheon указывают на архитектурную и космологическую сложность его проектов. Поэтому Адриана корректнее понимать как исторический прототип многорежимного исполнительного интеллекта, а не как обычного «правителя-гуманитария». Он не был ИИ в буквальном смысле, но структурно объединял то, что сегодня в цифровой среде начинает распределяться между reasoning-моделью, planning-моделью, специализированными инструментами и долговременной памятью.

Именно здесь становится продуктивным сопоставление с нынешними ИИ-платформами. OpenAI описывает o3 и o4-mini как reasoning-модели, способные дольше «думать», обученные инструментальному действию и агентному использованию всех доступных средств внутри ChatGPT; отдельный продукт ChatGPT agent прямо позиционируется как система, которая «думает и действует», используя собственный компьютер, веб-навигацию, код и анализ данных. Anthropic, в свою очередь, презентует Claude 4 как семейство моделей для advanced reasoning, coding и agents, с extended thinking, параллельным использованием инструментов и улучшенной памятью; документация Anthropic подчеркивает различие Opus, Sonnet и Haiku как режимов разной мощности и стоимости, а MCP — как открытый стандарт соединения модели с инструментами и хранилищами данных. Если перевести это на язык античности, то Адриан важен не как «аналог одного конкретного бота», а как фигура, концентрирующая в одном лице то, что современные платформы развертывают в многоуровневую агентную экосистему.

В правовом измерении это особенно существенно. Исследование Riedl и Desai показывает, что по мере «агентизации» ИИ возникают проблемы, давно знакомые праву агентирования: недоопределенность поручения, пределы подразумеваемых полномочий, вопросы лояльности и раскрытия. Следовательно, корректная футурологическая формула не такова, что «ИИ становится императором», а такова, что исполнительная функция дробится и делегируется, тогда как юрист все в большей мере становится принципалом и конструктором режимов полномочия. В этом смысле Адриан —

не замена юриста, а историческая модель того, как разнородные роли могут координироваться из одного управляющего центра.

Египет, Греция и Рим как идеальные типы взаимодействия с ИИ

Если вывести обсуждение на более широкий цивилизационный уровень, то триада «Египет — Греция — Рим» — может быть научно очищена и превращена в рабочую идеал-типическую схему. Древний Египет в этом ряду обозначает режим ручного программирования. Britannica напоминает, что египетское письмо породило особый класс профессионалов — писцов, которые занимались учетом, налогообложением, управлением общественными работами и военной логистикой; в более общем обзоре древнеегипетской цивилизации подчеркивается иерархичность идеологии и административно-письменная природа порядка *ma'at*. Отсюда следует не буквальное, но продуктивное сопоставление: ручное программирование, как и египетская писцовая культура, строится на высокой специализации, эксплицитных инструкциях, закрытом профессиональном знании и значительном барьере входа.

Древняя Греция в предлагаемой схеме обозначает иной режим — режим диалогического поиска формы. Britannica характеризует греческую философию как основание западной теоретической традиции, включающее Сократа, Платона, Аристотеля и стоические школы. Современные исследования о *vibe coding* определяют этот феномен как программирование через разговор с ИИ, в котором основная когнитивная работа смещается от посимвольного построения к контекстному управлению, проверке, оркестрации и динамическому доверию к модели. Именно поэтому аналогия с Грецией оказывается не публицистической, а методологически уместной: греческий стиль знания — это не бюрократический учет, а беседа, аргументация, постановка общих принципов, испытание гипотез и человеческо-центричная работа с разумом; *vibe coding*, по данным эмпирических исследований, тоже есть не отказ от мышления, а его перемещение в диалоговую и рефлексивную форму.

Рим же обозначает третий тип — режим рационализированной имплементации. То, что Греция производила как философский капитал, Рим умел превращать в право, администрацию, дороги, статусные матрицы и имперские процедуры. Здесь аналогия между Anthropic и Римом получает научно обоснованную форму. Компания Anthropic делает акцент на режимах углубленного рассуждения с использованием внешних инструментов, на чётком разграничении

типов моделей по их функциям и вычислительным возможностям, на открытом стандарте MCP (Model Context Protocol), а также на агентном программировании, при котором модель способна самостоятельно взаимодействовать с различными инструментами и сервисами. В свою очередь, OpenAI сосредотачивает внимание на моделях рассуждения, на совершенствовании их способностей посредством обучения с подкреплением (reinforcement learning), а также на агентной интеграции множества инструментов в рамках единого пользовательского интерфейса. Поэтому можно сказать так: внутри современной американской ИИ-экосистемы OpenAI чаще выступает как «греческий» полюс концептуального прорыва, а Anthropic — как «римский» полюс систематизации, процедурности и институционального внедрения. Это не факт природы, а аналитический вывод из официально декларируемых исследовательских и продуктовых стратегий обеих компаний.

В таком контексте и стоицизм получает новую функцию. Не случайно римская политико-правовая культура перерабатывала греческие школы под задачи управления; аналогично современный юрист в эпоху пограничных-моделей вынужден перерабатывать абстрактную интеллектуальную мощь ИИ в дисциплину юридического применения. Следовательно, древний мир нужен не как декор к обсуждению технологий, а как теория форм знания, каждая из которых сегодня возвращается в иной технической оболочке: египетская — как экспертная закрытость и ручная настройка; греческая — как разговорное, исследовательское и философское программирование намерения; римская — как агентная, инструментальная и правовая рационализация результата.

На этом фоне полезно скорректировать и карфагенскую аналогию, которую можно распространить на современную китайскую ИИ-среду лишь с существенными оговорками. Nature в 2025 году писала о DeepSeek как об открытом и дешевом сопернике рассуждающих-моделей OpenAI, а Stanford AI Index 2026 фиксирует почти исчезнувший разрыв в производительности между лучшими американскими и китайскими моделями; Reuters сообщает и о дальнейшем агрессивном ценовом давлении DeepSeek. Поэтому говорить о Китае как о «медленном и неумном» сопернике научно неверно. Зато правомерно говорить о другой модели суверенной инфраструктуры и конкурентного развития, где альтернативные цепочки поставок, иные ценовые стратегии и иной политический контекст делают соперничество похожим скорее на межцивилизационную конкуренцию, чем на внутренний спор одной

школы.

Масштабирование моделей и масштабирование империи

Современная теория ИИ строится вокруг законов масштабирования. OpenAI в классической работе 2020 года показала, что потери языковой модели подчиняются степенным зависимостям по отношению к размеру модели, объему данных и вычислениям; позднее Chinchilla-подход уточнил оптимальный для выполнения вычислений режим, показав, что модель и число тренировочных токенов должны масштабироваться более сбалансированно, чем это часто предполагалось раньше. В 2025 году OpenAI дополнительно сообщила, что дальнейшее масштабирование обучения с подкреплением (reinforcement learning), а также увеличение объема вычислений, используемых моделью в процессе рассуждения и формирования ответа (inference-time reasoning), продолжает обеспечивать рост качества моделей o3 и o4-mini. Для правовой теории эта линия важна потому, что она делает развитие ИИ не случайным набором чудес, а управляемой экономикой масштаба.

Однако последние исследования несколько корректируют и эту картину. Работа о законах масштабирования вывода показывает, что при равном объеме вычислительных ресурсов меньшие модели с более эффективными стратегиями рассуждения могут превосходить более крупные модели; другой недавний препринт о законе кинетического масштабирования предупреждает, что масштабирование на этапе тестирования ограничивается не только количеством операций с плавающей запятой, но также объемом памяти, пропускной способностью и архитектурными узкими местами. Тем самым современная наука об искусственном интеллекте фактически воспроизводит старую политико-правовую истину: большое не всегда означает эффективное; эффективность зависит от конфигурации, маршрутов, задержек и стоимости координации.

Именно здесь становится содержательной аналогия с Римской империей. Разумеется, территориальное расширение Римской империи не подчинялось тем же математическим степенным закономерностям, что и кривая ошибок языковой модели. Но исторически имперский рост тоже требовал снижения предельных издержек координации. Новый цифровой атлас Itiner-e показывает, что дорожная сеть Римской империи была значительно плотнее, чем считалось раньше, и была критична для перемещения людей, товаров, идей и поддержания имперского контроля; отдельная экономико-историческая работа показывает, что современные магистрали

и железные дороги Италии нередко следуют по трассам, заданным римской инфраструктурой. Следовательно, если в ИИ вычисление и контекст образуют материальную основу масштабирования, то в Риме такую роль играли дороги, архивы, финансовое администрирование и правовые процедуры.

В этом смысле Траян и Адриан образуют почти учебный контраст между «наивным масштабированием» и «оптимальным масштабированием». Britannica подчеркивает, что Траяновы восточные завоевания были быстро оставлены Адрианом, а Pringsheim прямо связывает правовую политику Адриана с новой установкой на порядок и мир в границах удерживаемого мира. Если применить современную лексику, можно сказать: Траян стремился к максимальному захвату параметров, Адриан — к повышению качества принятия решений в пределах удерживаемого контекста управления. Это, разумеется, метафора; но именно как метафора она очень точна для юридической теории государства: не каждая способность к захвату есть способность к управлению, а институциональная архитектура права есть исторический способ превращать масштаб в управляемость.

Здесь уместно и еще одно уточнение. Тезис о «римском праве как первой языковой модели» можно защитить только в ослабленной, но научно сильной форме: римское право было не моделью в компьютерном смысле, а архитектурой имперского обобщения, где разнообразные локальные входы — обычаи, статусы, жалобы, споры, налоговые отношения, языковые различия — превращались в повторяемые, формализуемые, переводимые решения. Для LLM это делают токенизация, обучение и выводы; для Рима это делали образование, юристы, канцелярии, магистратские и императорские формы, а также инфраструктура перемещения и хранения знания. Удивительно не то, что эти системы различны, а то, насколько сходны задачи, которые они решают.

Трансформация юридического образования и футурологический прогноз

Современный юридический рынок уже подтверждает, что искусственный интеллект перестал быть второстепенным инструментом. Thomson Reuters в отчёте за 2024 год о профессиональных услугах указывает, что подавляющее большинство юристов и сотрудников юридических подразделений считает генеративный искусственный интеллект применимым в своей работе; Reuters и TechCrunch отмечают стремительный рост стоимости компаний, разрабатывающих решения на основе искусственного интеллекта для юридической

сферы: компания Harvey в 2026 году была оценена Reuters в 11 млрд долларов США, а компания Legora — TechCrunch в 5,6 млрд долларов США. Это означает, что обсуждение искусственного интеллекта в юридической деятельности больше не относится исключительно к области футурологических прогнозов: соответствующие технологии уже стали частью рынка юридических услуг, инвестиционной среды и организационных моделей оказания правовой помощи.

Однако именно поэтому юридическое образование не может сводиться лишь к умению пользоваться искусственным интеллектом. Предварительное исследование Но и соавторов показывает, что специализированные системы искусственного интеллекта для юридического поиска, хотя и уменьшают количество ошибок по сравнению с универсальными диалоговыми системами, всё же способны выдавать недостоверные результаты в значительной доле случаев — от 17 % до 33 % в исследованных системах. Reuters в 2026 году описала несколько случаев, когда адвокаты подвергались санкциям или были вынуждены приносить извинения за использование фиктивных цитат и непроверенных результатов, сгенерированных искусственным интеллектом. Это означает, что в эпоху применения искусственного интеллекта в юридической деятельности ключевым профессиональным качеством юриста становится не скорость подготовки текста, а познавательная добросовестность: способность проверить источник информации, восстановить логику правовой аргументации и нести ответственность за материалы, представляемые суду или доверителю.

Юридическое образование уже начинает перестраиваться. Статья Bakht Munir, посвящённая курсу «Искусственный интеллект для юристов» в Школе права Канзасского университета, описывает попытку включить генеративный искусственный интеллект в юридическую подготовку в качестве самостоятельной учебной дисциплины. Вместе с тем двухлетний эксперимент Thibault Schrepel демонстрирует более сложную картину: искусственный интеллект одновременно способствует обучению и создаёт риск формирования упрощённых образовательных стратегий, если его использование не сопровождается строгой методикой критического анализа источников и аргументации. Исследование Linna и Linna, посвящённое судебным требованиям к использованию генеративного искусственного интеллекта в правовом рассуждении, приходит к выводу, что наиболее реалистичная роль искусственного интеллекта в праве сегодня

заключается либо в выполнении большого объёма рутинной работы по простым делам, либо в функции интеллектуального партнёра при анализе сложных правовых вопросов. Наконец, исследование LawFlow показывает, что человеческие юридические процессы по-прежнему остаются более модульными, адаптивными и чувствительными к отдалённым последствиям принимаемых решений, тогда как планы действий, формируемые большими языковыми моделями, нередко оказываются чрезмерно линейными и менее гибкими.

Отсюда и главный футурологический вывод статьи. В ближайшие годы обучение юриста будет меняться не только потому, что «появился новый инструмент», а потому, что меняется базовая единица юридического труда. Вчера этой единицей был текст, создаваемый вручную; сегодня — запрос, проверка, контролируемая генерация, маршрутизация между моделями и инструментами, оценка источников и сборка агентного рабочего процесса. Исследования диалогового программирования с использованием искусственного интеллекта уже показывают, что даже в сфере разработки программного обеспечения профессиональная компетентность постепенно смещается от непосредственного написания кода к управлению контекстом, координации работы различных инструментов и выборочному контролю результатов. OpenAI определяет агентные системы как системы, способные выполнять последовательности действий от имени пользователя с высокой степенью самостоятельности. Применительно к юриспруденции это означает, что сильный юрист будущего — это не только знаток правовых норм и не только специалист по взаимодействию с системами искусственного интеллекта, но и координатор агентной инфраструктуры, способный распределять задачи между специализированными интеллектуальными системами без утраты доктринальной строгости и профессиональной ответственности.

Здесь и возникает неожиданная актуальность римского права. Исторический корпус римского права, разумеется, не меняется от того, что юристы используют ИИ. Но радикально меняется способ его рецепции, преподавания и функционального применения. В условиях, когда ИИ может извлекать, сопоставлять, переводить и соединять огромные массивы текстов, римское право перестаёт быть только «дисциплиной о происхождении понятий» и становится лабораторией формальной юридической мысли: категориального мышления о статусе, обязательствах, вещах, действиях, юрисдикции, правовом переводе и

многоуровневой нормативности. Именно поэтому можно осторожно утверждать, что в XXI веке изменяется не содержание римского права, а его операционное наследие: оно возвращается как школа юридического проектирования для мира, где текст снова стал основной материей власти, но обрабатывается уже не только человеком.

Если довести эту линию до конца, то новый юрист будет обучаться не против ИИ и не «вместо ИИ», а на пересечении трех дисциплин: источниковедческой строгости, античной правовой теории и агентного проектирования. В этом сюжете Адриан важен не как романтический герой, а как показатель того, что широкая интеллектуальная подготовка, способность к межрежимному переключению и умение удерживать управляемый масштаб были и остаются юридически значимыми признаками высшей исполнительной рациональности.

Заключение

Сопоставление Адриана, римского права и современных ИИ-моделей имеет научную ценность лишь при одном условии: если сохранять различие между историческим фактом и аналитической аналогией. При таком условии предложенная конструкция оказывается не риторической игрой, а инструментом для теории истории государства и права. Римское право действительно можно интерпретировать как имперскую систему обучения на корпусе, где нормы, статусы, формулы и интерпретации создавали среду переноса юридического знания между несходными социальными мирами. Адриан действительно может быть прочитан как исторический тип многорежимного управления, в котором военное, юридическое, культурное и архитектурное действие собираются в единую исполнительную логику. И современный поворот к ИИ-агентам действительно заставляет по-новому спросить, кто в юридическом труде будет субъектом, кто — средством, а кто — носителем ответственности.

Главный вывод поэтому можно сформулировать предельно строго. Наследником императорской функции в цифровую эпоху становится не автономная машина, а связка «юрист-принципал + агентная система + проверяемая правовая инфраструктура». В этой связке римское право выступает не музейным реликтом, а методологией юридической формы; Адриан — не технофантазией, а историческим напоминанием о ценности широты подготовки и переключения режимов; а современный ИИ — не концом юриспруденции, а сменой ее операционной морфологии. Если юридическое образование сумеет ответить на этот вызов, то оно не растворится в автоматизации, а, напротив,

снова станет аристократией метода — как тогда, когда римские юристы превращали разрозненный социальный материал в право имперского масштаба.

Список литературы:

[1] Михайлик А. А., Бабушкин Я. Д. Право и закон в Древнем Риме: у истоков позитивного права // Epomen.Global. 2026. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-i-zakon-v-drevnem-rime-u-istokov-pozitivnogo-prava-1> (дата обращения: 25.05.2026).

[2] Ильин М. В. Translatio imperii. Воспроизводство институционального наследия Рима // Политическая наука. 2022. № 1. С. 100–137. DOI: 10.31249/poln/2022.01.04.

[3] Тараборин Р. С. Свод законов гражданских Российской империи 1832 г.: генезис законодательной конструкции // Вопросы управления. 2015. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svod-zakonov-grazhdanskih-rossiyskoy-imperii-1832-g-genezis-zakonodatelnoy-konstruktsii> (дата обращения: 25.05.2026).

[4] Пашенцев Д. А., Новикова К. С. Искусственный интеллект как субъект судебного толкования права // Образование и право. 2020. № 7. С. 198–202. DOI: 10.24411/2076-1503-2020-10737.

[5] Кряжевских К. А. Искусственный интеллект и юридическая деятельность: доктрина и практика // Вопросы российской юстиции. 2024. Вып. 32. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-i-yuridicheskaya-deyatelnost-doktrina-i-praktika> (дата обращения: 25.05.2026).

[6] Бирюков П. Н. Искусственный интеллект: вызовы современной юридической науке // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 2. С. 256–260.

[7] Богдановская И. Ю., Васякина Е. В., Волос А. А., Данилов Н. А., Егорова Е. В., Калятин В. О., Карпенко О. И., Салихов Д. Р. Искусственный интеллект и право // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 17, № 4. С. 278–306. DOI: 10.17323/2072-8166.2024.4.278.306.

[8] Ando C. Imperial Ideology and Provincial Loyalty in the Roman Empire. Berkeley ; Los Angeles : University of California Press, 2000. 494 p.

[9] Ando C. Law, Language, and Empire in the Roman Tradition. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2011. 176 p.

[10] Johnston D. Roman Law in Context. Cambridge : Cambridge University Press, 1999. 153 p.

[11] Nicholas B. An Introduction to Roman Law. Oxford : Clarendon Press, 1962. 304 p.

[12] Watson A. The Spirit of Roman Law. Athens ; London : University of Georgia Press, 1995.

252 p.

[13] The Digest of Justinian / ed. by A. Watson. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1985. 4 vols.

[14] Гай. Институции / пер. с лат. Ф. Дыдынского; под ред. Л. Л. Кофанова, В. А. Савельева. М. : Юрист, 1997.

[15] Институции Юстиниана / пер. Д. Расснера; под ред. Л. Л. Кофанова, В. А. Томсинова. М. : Зерцало, 1998.

[16] Pringsheim F. The Legal Policy and Reforms of Hadrian // The Journal of Roman Studies. 1934. Vol. 24, № 2. P. 141–153. DOI: 10.2307/297053.

[17] Tuori K. Hadrian's Perpetual Edict: Ancient Sources and Modern Ideals in the Making of a Historical Tradition // The Journal of Legal History. 2006. Vol. 27, № 3. P. 219–238. DOI: 10.1080/01440360601041076.

[18] Corcoran S. Roman Law and the Two Languages in Justinian's Empire // Bulletin of the Institute of Classical Studies. 2017. Vol. 60, № 1. P. 96–116. DOI: 10.1111/2041-5370.12049.

References:

[1] Mikhailik A. A., Babushkin Y. D. Law and law in ancient Rome: at the origins of positive law// Epomen.Global. 2026. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-i-zakon-v-drevnem-rime-u-istokov-pozitivnogo-prava-1> (дата обращения: 25.05.2026).

[2] Ilyin M.V. Translatio imperii. Reproduction of the institutional heritage of Rome//Political science. 2022. № 1. S. 100-137. DOI: 10.31249/poln/2022.01.04.

[3] Taraborin R. S. Code of Civil Laws of the Russian Empire 1832: Genesis of Legislative Construction//Management Issues. 2015. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svod-zakonov-grazhdanskih-rossiyskoy-imperii-1832-g-genezis-zakonodatelnoy-konstruktsii> (дата обращения: 25.05.2026).

[4] Pashentsev D.A., Novikova K.S. Artificial intelligence as a subject of judicial interpretation of law//Education and law. 2020. № 7. S. 198-202. DOI: 10.24411/2076-1503-2020-10737.

[5] Kryazhevskikh K. A. Artificial intelligence and legal activity: doctrine and practice//Issues of Russian justice. 2024. No. 32. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-i-yuridicheskaya-deyatelnost-doktrina-i-praktika> (дата обращения: 25.05.2026).

[6] Biryukov P.N. Artificial intelligence: challenges to modern legal science//Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. № 2. PP. 256-260.

[7] Bogdanovskaya I. Yu., Vasyakina E.V., Volos A.A., Danilov N.A., Egorova E.V., Kalyatin V.O.,

Karpenko O.I., Salikhov D.R. Artificial intelligence and law//Law. Journal of the Higher School of Economics. 2024. VOL. 17, NO. 4. S. 278-306. DOI: 10.17323/2072-8166.2024.4.278.306.

[8] Ando C. Imperial Ideology and Provincial Loyalty in the Roman Empire. Berkeley ; Los Angeles : University of California Press, 2000. 494 p.

[9] Ando C. Law, Language, and Empire in the Roman Tradition. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2011. 176 p.

[10] Johnston D. Roman Law in Context. Cambridge : Cambridge University Press, 1999. 153 p.

[11] Nicholas B. An Introduction to Roman Law. Oxford : Clarendon Press, 1962. 304 p.

[12] Watson A. The Spirit of Roman Law. Athens ; London : University of Georgia Press, 1995. 252 p.

[13] The Digest of Justinian / ed. by A.

Watson. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1985. 4 vols.

[14] Guy. Institutions/per. With lat. F. Dydynsky; ed. L. L. Kofanova, V. A. Savelyeva. M.: Lawyer, 1997.

[15] Justinian Institutions/per. D. Rassner; ed. L. L. Kofanova, V. A. Tomsinov. M.: Zerzalo, 1998.

[16] Pringsheim F. The Legal Policy and Reforms of Hadrian // The Journal of Roman Studies. 1934. Vol. 24, № 2. P. 141–153. DOI: 10.2307/297053.

[17] Tuori K. Hadrian's Perpetual Edict: Ancient Sources and Modern Ideals in the Making of a Historical Tradition // The Journal of Legal History. 2006. Vol. 27, № 3. P. 219–238. DOI: 10.1080/01440360601041076.

[18] Corcoran S. Roman Law and the Two Languages in Justinian's Empire // Bulletin of the Institute of Classical Studies. 2017. Vol. 60, № 1. P. 96–116. DOI: 10.1111/2041-5370.12049.

**ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru